

На правах рукописи

Ковалева Татьяна Ивановна

**ВИДЕНИЯ В АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIII–XVII вв.:
ЖАНРОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И СЮЖЕТОСЛОЖЕНИЕ**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2017

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте филологии Сибирского отделения Российской академии наук, в секторе литературоведения.

Научные руководители:

член-корреспондент РАН,

доктор филологических наук, профессор

Ромодановская Елена Константиновна

доктор филологических наук, профессор

Силантьев Игорь Витальевич

Официальные оппоненты:

Журавель Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, сектор археографии и источниковедения, ведущий научный сотрудник

Шунков Александр Викторович, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный институт культуры», ректор

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

Защита состоится 29 марта 2017 года в 10 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория № 26).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Автореферат разослан «___» февраля 2017 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:

<http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/KovalevaTI29032017.html>

Учёный секретарь
диссертационного совета

Филь Юлия Вадимовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Жанр видений, содержание которого составляют контакты героя-тайнозрителя с потусторонним миром, занимает видное место в средневековой системе жанров и широко представлен в литературах христианского Востока и Запада. С определенной долей условности этот обильный и разнородный материал можно разделить на три тематические группы. Наиболее известны эсхатологические видения, приоткрывающие тайны загробной жизни. Две другие группы видений связаны с земной жизнью человека: «пророческие», разъясняющие сакральный смысл событий земной жизни человека/города/государства, и видения, регламентирующие духовную жизнь христианина разнообразными предписаниями (например, свершить молебен, выполнить обет и т. п.). Неоднородны видения и по степени их формального выделения в повествовании: на раннем этапе своего существования они встречаются исключительно как «малая форма» в составе других жанров средневековой словесности – агиографии, исторических сочинений, проповедей и др. В виде отдельных сочинений видения начинают появляться в XVI в. (Видение Хутынского пономаря Тарасия, Повесть о видении Антония Галичанина), сосуществуя наряду с видениями, продолжающими включаться в памятники другой жанровой принадлежности.

В силу этой специфики видения как литературное явление изучены неравномерно. В большинстве исследований анализу подвергаются конкретные тексты либо отдельные группы видений. Некоторые важные для понимания особенностей этого жанра проблемы только поставлены или разработаны явно недостаточно. Так, Е. К. Ромодановской была сформулирована задача изучения материала древнерусских видений в полном объеме, то есть не только оформившихся в отдельные сочинения, но и видений как «малой формы» в составе других памятников. Такое исследование предполагает анализ жанрового контекста этой «малой формы» и функции видений в повествовании. Но данная постановка вопроса отклика не получила. Приходится констатировать, что процесс эволюции жанра видений в составе других сочинений, а также особенности сюжетосложения видений остаются практически неизученными.

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью рассмотреть этапы развития жанра видений в составе памятников древнерусской литературы, проанализировать жанровые характеристики и показать роль видения в повествовании, а также выявить особенности построения сюжетов, в состав которых они входят.

Средневековые видения издавна привлекали внимание ученых различных гуманитарных специальностей: историков, литературоведов, культурологов, лингвистов. В отечественном литературоведении наибольшую разработку получили эсхатологические видения (А.Н. Веселовский, В.А. Сахаров, А.И. Пономарев, Ф.Д. Батюшков, С.Г. Вилинский, Б.И. Ярхо, А.В. Пигин), видения, связанные с событиями Смутного времени (Н.И. Прокофьев, А.А. Назаревский), а также старообрядческие видения, посвященные вопросам религиозной полемики (Н.С. Демкова, О.В. Панченко, О.В. Чумичева, О.Д. Журавель, Л.В. Титова, О.Н. Бахтина, А.В. Пигин, Е.М. Юхименко, М.В. Мелихов).

Что касается изучения жанровой специфики видений, то работ, специально посвященных этому вопросу, крайне мало. Наиболее значимыми представляются статьи Б.И. Ярхо¹ и Н.И. Прокофьева², в которых видения впервые были рассмотрены как особый литературный жанр. Независимо друг от друга и каждый на своем материале (Б.И. Ярхо исследовал западноевропейские эсхатологические видения, Н.И. Прокофьев – древнерусские видения Смутного времени) эти ученые установили, что видения первоначально существовали только в составе других сочинений, и лишь затем в процессе эволюции выделились в самостоятельные повествования. Они также описали признаки парадигмы жанра: наличие героя особого типа (тайнозрителя или визионера) и устойчивого набора структурных элементов. Е.К. Ромодановская³ дополнила наблюдения Н.И. Прокофьева, привлекая для анализа видения сибирских крестьян (XVII в.). Единственное на данный момент монографическое исследование, продолжающее филологическое изучение эсхатологических видений, принадлежит А.В. Пигину⁴. В его книге рассмотрены проблемы генезиса жанра, жанровой специфики и топика видений, воссоздана общая картина представлений древнерусского человека о загробном мире.

¹ Ярхо Б.И. Из книги «Средневековые латинские видения» / Б.И. Ярхо // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. – М.: Наука, 1989. – Вып. 4. – С. 18–55.

² Прокофьев Н.И. Видение как жанр в древнерусской литературе / Н.И. Прокофьев // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. – М.: МГПИ, 1964. – Т. 231. – С. 35–56; Он же. Образ повествователя в жанре «видений» литературы Древней Руси / Н.И. Прокофьев // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. – М.: МГПИ, 1967. – Вып. 256. – Ч. 1. – С. 36–53.

³ Ромодановская Е.К. Рассказы сибирских крестьян XVII-XVIII вв. о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) / Е.К. Ромодановская // Ромодановская Е.К. Сибирь и литература XVII век / Е.К. Ромодановская. – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 292–313.

⁴ Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности / А.В. Пигин; научн. ред. Е.М. Юхименко. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 430 с.

Таким образом, помимо эсхатологических видений, другие тематические группы других видений остаются слабоизученными, а видения как «малая форма» в составе сочинений других жанров до сих пор не исследовались.

Объектом исследования являются памятники древнерусской агиографии XIII–XVII вв., в состав которых входят видения.

Предмет исследования – видение как структурный элемент агиографического повествования.

Материал для исследования. В данной диссертации рассматриваются жанровые особенности видений об основании церкви/монастыря (они входят в тематическую группу видений регламентирующих духовную жизнь христианина), известных исключительно в составе агиографических памятников разных жанров – повестях, сказаниях об иконах, житиях основателей монастырей. Взятые для анализа видения входят в состав репрезентативных памятников древнерусской литературы, охватывающих временной интервал от Киевской Руси до заключительного этапа древнерусской словесности, относящихся к разным типам агиографических повествований. Во-первых, это группа рассказов о видениях в Слове о создании церкви из Киево-Печерского патерика (первая треть XIII в.); во-вторых, текстуально близкий рассказ о видении в ряде севернорусских Житий основателей монастырей XV–XVII вв., первоисточником которого стал эпизод Жития Сергия Радонежского (жизнеописания Кирилла и Ферапонта Белозерских, Александра Свирского, Ефрема Перекомского, Кирилла Новоезерского, Филиппа Ирапского); в-третьих, видения крестьянской вдовы Марии в составе первого памятника сибирской агиографии – Сказания о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы в Тобольске (XVII в.).

Анализ видений в названных литературных памятниках позволяет выявить этапы становления жанра, описать отдельные признаки видений в их развитии, проследить влияние жанровых особенностей «большой» формы на структурно-содержательные черты и функцию видений. Для выявления особенностей построения агиографических сюжетов, содержащих видения, и сюжетов самих видений проведено сопоставление эпизодов бесовского наваждения из Слова об Исакии Печернике (Киево-Печерский патерик) и видения ангелов и Троицы из Жития Александра Свирского. Полученные в результате анализа наблюдения позволяют предложить опыт типологии сюжетов видений на более широком материале сочинений агиографии.

Методология исследования. В работе используются методы сравнительно-исторического и структурно-типологического литературного анализа. Основные положения данных методик сформулированы в работах А.Н. Веселовского, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского. Кроме того, исследование опирается на результаты

изучения поэтики древнерусской литературы, изложенные в работах Д.С. Лихачева, а также на выводы основополагающих работ, посвященных исследованию жанра видений, – Н.И. Прокофьева, Б.И. Ярхо, Е.К. Ромодановской, А.В. Пигина. При написании работы привлечены также результаты историко-культурных исследований П.М. Бицилли, Л.П. Карсавина, Д.И. Абрамовича, А.Я. Гуревича, Л.А. Черной и др.

Источниковой базой настоящей работы стали научные публикации памятников, осуществленные Л.А. Ольшевской, Г.М. Прохоровым, Е.Э. Шевченко, В.И. Охотниковой, Т.Б. Карбасовой, М.А. Федотовой, Е.В. Крушельницкой, Е.К. Ромодановской.

Целью диссертации является изучение процесса эволюции жанра видений в составе различных типов агиографического повествования (на материале видений об основании церкви/монастыря), рассмотрение их функции и структурно-содержательных особенностей в зависимости от жанрового контекста «большой формы», а также выявление особенностей построения агиографических сюжетов, содержащих видения.

В соответствии с указанной целью в диссертации поставлены следующие **задачи**:

1. Выявить и охарактеризовать этапы развития жанра видений в древнерусском агиографическом повествовании XIII–XVII вв. (на материале видений об основании церкви/монастыря):

а) проанализировать изменения структурно-содержательных элементов видений об основании церкви/монастыря на разных этапах их бытования;

б) описать развитие образа героя-тайнозрителя видений названной тематики в процессе их бытования;

в) исследовать изменение функции видений об основании церкви/монастыря в связи с развитием образа тайнозрителя;

г) проследить историю текстуально схожего рассказа о видении в ряде житий основателей монастырей XV–XVII вв., рассмотреть особенности его авторской рецепции в духовных биографиях разных святых;

д) установить общие и специфические черты видений в русской литературе Сибири (XVII – начало XVIII вв.) на примере первого памятника сибирской агиографии – Сказания о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы в Тобольске.

2. Определить важнейшие принципы построения сюжетов, включающих видения:

а) исследовать структуру сюжетов, содержащих видения (на примере Слова об Исакии Печернике и Жития Александра Свирского), описать схему развертывания событий в таком повествовании и взаимодействие плана героев (тайнозрителя и посланца иного мира) со смысловым планом сочинения в целом;

б) рассмотреть сюжеты видений в составе агиографических сочинений в контексте картины мира древнерусского человека и создать на этой основе типологию сюжетов видений, связанных с его земным бытием.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем древнерусские видения в составе агиографических повествований исследованы в диахроническом аспекте с учетом особенностей литературного процесса в различные исторические периоды; функция и структурно-содержательные особенности видений рассмотрены во взаимосвязи с образом героя-тайнозрителя и жанровым контекстом повествований «большой формы»; прослежена эволюция образа тайнозрителя; установлен характер соотношения между разновидностью героя иного мира, содержанием видения, поведением героя-тайнозрителя и идейной направленностью сочинения; сюжеты видений и функции героев потустороннего мира рассмотрены в системе дуальной картины мира древнерусского человека, на основании чего предложен опыт типологии сюжетов видений.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении истории жанра древнерусских видений. Возникнув как «малая форма» в составе других жанров древнерусской словесности, видения сохранили свои устойчивые структурно-содержательные особенности, но одновременно претерпели и трансформацию. Выявление особенностей построения агиографических сюжетов, в состав которых входят видения, вносит вклад в изучение сюжеттики древнерусской литературы.

Практическая ценность настоящей работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы для разработки курсов лекций по истории древнерусской литературы, в курсах, посвященных изучению духовной культуры Древней Руси XI–XVII веков, а также для подготовки изданий памятников агиографии и комментариев к ним.

Положения, выносимые на защиту:

1. Видения, связанные с основанием церкви/монастыря, проходят в древнерусской литературе несколько этапов своего развития: становления (Киево-Печерский патерик, XIII век), расцвета (жития основателей монастырей XV–XVI вв.) и, наконец, упадка (поздние жития основателей монастырей) и трансформации (Сказание о явлении Абалацкой иконы Богородицы, XVII в.). Созданные на каждом из этих этапов видения отличаются степенью формального

выделения в тексте и особенностями образа тайнозрителя, их функция в повествовании постепенно усложняется.

2. В своем развитии видения указанной тематики проходят несколько стадий формального вычленения в тексте. На этапе становления видения слиты с другими событиями повествования и могут быть выделены исключительно на основе их структурно-содержательных признаков. Период расцвета жанра рассказы о видениях начинают выделяться в тексте особым заголовком и напоминают по структуре появившиеся позже самостоятельные видения. На заключительном этапе жанровой трансформации видения совмещают структурные признаки предшествующих этапов: они включены в контекст событий повествования, но имеют четкие границы и выделены не только с помощью заголовков, но и композиционно. Однако самостоятельными произведениями видения, связанные с основаниями церкви/монастыря, не становятся, что отличает их от эсхатологических или пророческих видений.

3. Образ героя-тайнозрителя на протяжении веков претерпевает изменения, развиваясь от функции к персонажу. В ранних рассказах о видениях тайнозрители представляют собой функцию медиатора воли высших сил в чистом виде. В рассказах о видениях в период расцвета жанра образы тайнозрителей (жития XV–XVI вв.), сохраняя свою основную функцию, усложняются описанием отдельных психологических состояний. Но в поздних житиях этого ряда, когда эпизоды видений вводятся автором «механически», связь таких эпизодов с состоянием тайнозрителя нарушается, что говорит об упадке жанра. Видения этапа жанровой трансформации демонстрируют усвоение и развитие художественного опыта предшествующих сочинений. Эмоциональное состояние тайнозрителя является одной из черт, способствующих раскрытию его образа.

4. С изменением образа тайнозрителя связано усложнение функции видения в повествовании. Функция ранних видений исчерпывается их главенствующей ролью в развертывании основного события повествования. На стадии расцвета жанра (жития XV–XVI вв.) развертывание события осуществляется благодаря тому, что полученное в видении откровение разрешает «внутреннюю» проблему героя. Основная функция видений периода жанровой трансформации не связана (как в житиях) с какой-либо отдельной психологической чертой тайнозрителя, они являются важнейшим элементом повествования, раскрывающим его образ в целом.

5. В ряде житий XV–XVII вв. прослеживается процесс овладения книжниками видением как приемом для построения ситуации ухода подвижника из монастыря в пустынь. Рассказ о видении Кирилла Белозерского, источником которого послужило Житие Сергия Радонежского, задал общую схему описания этой ситуации,

подвергшуюся трансформации в поздних житиях. При всей устойчивости общей схемы построения данного эпизода в разных Житиях, их авторам удается отразить индивидуальные особенности духовного пути своих героев, связывая заимствованный фрагмент с фактами их биографий.

6. В русской литературе Сибири XVII – начала XVIII вв. видения, явившиеся основной большинства местных агиографических сочинений, ускоренно проходят в своем развитии те же этапы, что и в общерусской литературе XIII–XVI веков. Но уже в первом памятнике сибирской агиографии, Сказании о явлении Абалацкой иконы Богородицы, в описании видений черты традиционной книжной культуры соединены с представлениями «народного православия» и новациями литературы «переходного периода».

7. Процесс развертывания событий в повествованиях, включающих видения, и в самих эпизодах видений осуществляется по единой схеме. План главного героя, ставшего на время видения тайнозрителем, размыкается, и главным действующим лицом становится посланец потустороннего мира. Введение этого героя, выполняющего в повествовании определенную функцию, и содержание видения обусловлены соответствием либо не соответствием поведения тайнозрителя христианскому образцу и соотносятся с общим замыслом сочинения.

8. Видения древнерусского человека в соответствии с дуальным членением его картины мира делятся по своему содержанию на видения эсхатологические, посвященные описаниям «того света», и видения, связанные с земным бытием человека. Дальнейшая типология сюжетов видений второй группы определяется принадлежностью героев иного мира к одному из двух противоборствующих начал христианского мироздания и закрепленными за ними функциями.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в 12 научных статьях, из них 3 опубликованы в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Идеи и положения диссертационной работы излагались и обсуждались в 18 докладах на всероссийских научных конференциях, проводимых Сектором литературоведения ИФЛ СО РАН: конференциях молодых ученых (Новосибирск, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008), ежегодных конференциях, посвященных проблемам изучения сюжетов и мотивов русской литературы (Новосибирск, 2007, 2009, 2011, 2013, 2014, 2015, 2016), на всероссийских конференциях «Нарративные традиции славянских литератур: повествовательные формы Средневековья и Нового времени» (Новосибирск, 2008), «Нарративные традиции славянских литератур: от

Средневековья к Новому времени. К юбилею члена-корреспондента РАН Е.К. Ромодановской» (Новосибирск, 2012), на всероссийской конференции «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: мета- и реинтерпретация» (Новосибирск, 2005); на IX всероссийской научной конференции молодых ученых «Вопросы славяно-русского рукописного наследия», приуроченной к 75-летию Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Санкт-Петербург, 2008); на XIII международной научной конференции «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы исторической и теоретической поэтики» (Гродно, 2010); на Второй Апрельской междисциплинарной международной научной конференции «Все восторги мира: экстаз в литературе и искусстве» (Санкт-Петербург, 2015).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении рассматривается история вопроса, обосновывается выбор темы, ее актуальность, объект, предмет и методология исследования, научная новизна работы, определяются цель и задачи исследования, его структура.

В первой главе рассмотрены видения в Слове о создании церкви Киево-Печерского патерика как случай наиболее ранней фиксации видений, связанных с основанием церкви, в древнерусской литературе. Предметом специального изучения патериковые видения становятся впервые, хотя их значение как одного из жанровых элементов патерикового ансамбля уже отмечалось в работах Л.А. Ольшевской⁵ и В.В. Кускова⁶.

Ранние видения древнерусской литературы, как можно видеть на примере Киево-Печерского патерика, слиты с другими событиями повествования и вычлняются лишь на основе структурно-содержательных признаков. В рассказах, составляющих Слово о создании церкви, преобладают группы из двух-трех видений, ключевым моментом которых является повеление высших сил осуществить один из этапов создания Печерской церкви. Иную структуру имеет лишь группа видений варяга Шимона. Сопоставление рассказов о его видениях и о видениях иконописцев (которые являются примером типовой организации видений Слова) выявляет общие и специфические черты видений данной части патерика. Самым устойчивым в их

⁵ Ольшевская Л.А. Своеобразие жанра житий в Киево-Печерском патерике / Л.А. Ольшевская // Литература Древней Руси / Отв. ред. Н.И. Прокофьев. – М.: МГПИ, 1981. – С. 29–34.

⁶ Кусков В.В. Жанровое своеобразие Киево-Печерского патерика / В.В. Кусков // Методология литературоведческих исследований. – Прага, 1982. – С. 39–42.

структуре является элемент «собственно видение», вокруг которого наращиваются необходимые по смыслу рассказа дополнительные элементы. Так, структура видений Шимона осложнена взаимосвязанным с ними чудом, а композиция типового видения Слова варьируется в зависимости от поведения тайнозрителя, возможное неповиновение которого высшим силам влечет за собой наказание.

Видения в рассказах Слова о создании церкви способствуют развитию событий, что связано непосредственно с образом тайнозрителя, героя-функции, служащего медиатором воли Всевышнего. Особые обстоятельства появления тайнозрителей на месте создания церкви и их рассказы о видениях приводят к осуществлению одного из этапов этого процесса. Видения героев Слова происходят, как правило, наяву и, в отличие от более поздних видений, не имеют границ «тонкого сна» и пробуждения от него. Они функционируют не только в рамках отведенных им рассказов, но и участвуют в сюжетной организации всего Слова, являясь причиной всех его событий: от появления на Руси варяга Шимона до возведения церквей, подобных Печерской, за пределами Киева. В своей взаимосвязи видения формируют символический план повествования. Подобная организация памятника объясняется особенностями мировоззрения и восприятием истории средневекового человека.

Во второй главе исследованы особенности видений, связанных с основанием монастыря, в ряде житий XV–XVII вв.

Основным объектом рассмотрения стало видение заглавного героя Жития Кирилла Белозерского, связанное с основанием его знаменитого монастыря. Источником рассказа о видении этого святого послужил эпизод Жития Сергия Радонежского. Подобно видениям Киево-Печерского патерика, видение из Жития Кирилла отражает один из этапов становления жанра, но в отличие от них, его влияние не ограничивается пределами одного сочинения. Текст рассказа о видении Кирилла прямо или опосредованно был использован создателями Житий Ферапонта Белозерского, Александра Свирского, Ефрема Перекомского, Кирилла Новоезерского, Филиппа Ирапского, что требует их рассмотрения вместе с житием-источником.

В первом параграфе главы сопоставлены фрагменты Житий Кирилла Белозерского и Сергия Радонежского, которые содержат рассказы о видениях святых, имеющие общие чтения⁷. Анализ показал, что оба фрагмента организованы

⁷ Генетическая зависимость видения Кирилла от соответствующего эпизода Жития Сергия Радонежского установлена Е.А. Рыжовой. См.: Рыжова Е.А. Сюжетный мотив «выбор места для основания монастыря с помощью чудесных знамений» в севернорусской агиографии («глас-свет») / Е.А. Рыжова // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь / Отв. ред. С.А. Семячко. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – С. 423–424.

по единой схеме, помогающей ввести в повествование эпизод общения героев с высшими силами. В построении самих рассказов о видениях выявляются как общие, так и специфические черты. Общность их структурно-содержательных элементов свидетельствует о сложившейся к этому времени основе исследуемого жанра: оставаясь частью житийного повествования, эти рассказы уже напоминают более поздние самостоятельные видения. Главное отличие рассказа о видении св. Кирилла от его первоисточника – появление маркирующего его подзаголовка, что с одной стороны, показывает значимость этого события, с другой – указывает на осознание агиографом видения как самостоятельного элемента повествования.

Основная функция видений, состоящая в развертывании событий повествования, осуществляется в житиях сложнее, чем в патериковых рассказах. Тайнозрителями здесь становятся, как правило, заглавные герои Житий, их образы усложняются описанием отдельных эмоциональных переживаний (по Д.С. Лихачеву, чертами абстрактного психологизма). Воля высших сил осуществляется через разрешение вопросов, волнующих святого, ответы, на которые он получает в видении. Контакт святого с посланцем иного мира происходит в особом молитвенном состоянии, служащем маркером границ видений в житийном повествовании.

С помощью рассказов о видениях в Житиях свв. Сергия и Кирилла раскрываются как индивидуальные черты героев, так и факты их биографий. В Житии Сергия его видение вызвано заботой героя о братии уже основанного им монастыря. В Житии Кирилла оно разрешает сомнения в выборе дальнейшего пути служения будущего основателя монастыря (связь рассказа о видении с будущим основанием монастыря сохранится и в зависимых от Жития Кирилла севернорусских житиях).

Во втором параграфе проанализированы рассказы о видениях святых в перечисленных ранее севернорусских житиях, текстуально близкие эпизоду из Жития Кирилла. В этих текстах ситуация ухода героя в пустынь строится по одному из двух вариантов общей схемы. Первый ее вариант, когда рассказ о видении предшествует поселению подвижника в пустыни, использован в Житиях Ферапонта Белозерского, Александра Свирского и Ефрема Перекомского. Второй, когда рассказ о видении становится эпизодом поиска святым уготованного ему места в пустыни после его ухода из монастыря, – в Житиях Кирилла Новоезерского и Филиппа Ирапского. В соответствии с этим делением **второй параграф** состоит из двух разделов.

В первом разделе рассмотрены Жития Ферапонта Белозерского и Александра Свирского (XVI в.), для которых видение Кирилла Белозерского явилось

непосредственным образцом соответствующих фрагментов, а также текстуально зависимое от жизнеописания Александра Житие Ефрема Перекомского (XVII в.).

Житие Ферапонта интересно тем, что агиограф встраивает в повествовательный план своего заглавного героя план Кирилла Белозерского и почти дословно воспроизводит описание ситуации ухода подвижника в пустынь из его Жития, не делая Ферапонта тайнозрителем видения. Инок Ферапонт уже появлялся в названной ситуации в Житии Кирилла как второстепенный персонаж, призванный помочь заглавному герою в поисках показанного в видении места поселения. Поэтому автор жизнеописания Ферапонта переосмыслил этот эпизод, взяв за основу для своего сочинения. Иначе трактуется в Житии Ферапонта и ситуация его ухода от Кирилла в другое место пустыни. Исключив реальный факт разногласий иноков, агиограф подчеркнул неразрывность их духовной связи и тему преемственности служения Богу, основополагающую для концепции этого Жития.

В Житии Александра Свирского обнаруживается обширный фрагмент из Жития Кирилла⁸, содержащий наряду с другими событиями интересующее нас видение святого. Автор жизнеописания Александра сделал тайнозрителем своего героя, а также отметил каждый новый этап его духовного пути очередным видением (переломные моменты жизни Кирилла Белозерского сопровождаются появлением в повествовании новых персонажей).

В рассмотренной части Жития Александра содержится комплекс из семи видений, схожих по структуре с видением Кирилла, и чуда. Видения явлены тайнозрителю в молитвенном состоянии или во сне. Агиограф оформляет их своеобразной композиционной рамкой, фиксируя моменты засыпания и пробуждения тайнозрителя, а также внезапного появления и исчезновения персонажа потустороннего мира, при этом происходит перемещение основного акцента на одного из этих героев. Рассказы о видениях (Троицы и ангела), маркированные заголовками, имеют особое значение в концепции Жития Александра, являясь неоспоримым свидетельством избранности подвижника для основания монастыря. Эпизод, схожий с видением Кирилла, разрешающим сомнения этого святого в выборе дальнейшего пути служения, в Житии Александра призван подчеркнуть внутреннюю готовность заглавного героя покинуть монастырь.

Автор Жития Ефрема Перекомского, составляя жизнеописание своего героя, о котором не сохранилось достаточно сведений, взял за основу текст Жития

⁸ Впервые это отмечено И. Яхонтовым. См.: Яхонтов И. Жития св. северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 345–347.

Александра Свирского⁹. Как и в его первоисточнике, в Житии Ефрема, содержится комплекс видений, но их не семь, а пять. В этом Житии видения также сопровождают основные моменты духовного пути святого, но агиограф привязывает их к вероятным фактам его биографии, вынужденно исключив из повествования видение Троицы (уникальное в русской агиографии) и следующее за ним в Житии Александра видение ангела. Рассказ о видении, восходящий к Житию Кирилла Белозерского, переходит в Житие Ефрема из жизнеописания Александра Свирского без изменений.

Второй раздел второго параграфа посвящен Житиям Кирилла Новоезерского (XVI в.) и Филиппа Ирапского (XVI в.), явно вторичным и компилятивным¹⁰. Непосредственным источником интересующего нас рассказа о видении в Житии Кирилла Новоезерского послужил текст Жития Кирилла Белозерского¹¹. Анализ Жития Филиппа Ирапского показал, что источниками для его автора при описании этого же фрагмента могли быть как Житие Кирилла Белозерского, так и Житие Александра Свирского.

В Житиях Кирилла Новоезерского и Филиппа Ирапского эпизоды перехода подвижников в пустынь и поисков места поселения включают комплекс видений (в Житии Кирилла их четыре, в Житии Филиппа – два видения и связанное с ними чудо). Как и Александру Свирскому, видения явлены тайнозрителям этих Житий во время молитвы, во сне или «тонком сне». Видение, восходящее к Житию Кирилла Белозерского, открывает инокам места их будущего уединения: Кириллу Новоезерскому оно явлено во время паломничества, связанного с поисками этого места, Филиппу Ирапскому – в монастыре, который он не может покинуть, не зная, где поселиться. Но в отличие от Житий, рассмотренных выше, повторение видений в этих текстах происходит «механистично» и не оправдано психологическим состоянием героя, что свидетельствует об «окостенении» художественного приема. На примере Житий данной группы можно говорить о процессе разрушения средневековой идеализации героев агиографического повествования и упадке житийного жанра в его классическом виде.

⁹Федотова М.А. К вопросу о Житии Ефрема Перекомского // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 153–155.

¹⁰ Источники, использованные агиографами при написании данных Житий, выявлены в исследованиях Т.Б. Карбасовой и Е.В. Крушельницкой. См.: Карбасова Т.Б. О литературных источниках Жития Кирилла Новоезерского / Т.Б. Карбасова // ТОДРЛ / Отв. ред. Н.В. Поньрко. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – Т. 58. – С. 332–365; Крушельницкая Е.В. Автобиография и Житие в древнерусской литературе / Е.В. Крушельницкая; отв. ред. Н.В. Поньрко. – СПб: Наука, 1996. С. 12-18.

¹¹ Карбасова Т.Б. О литературных источниках Жития Кирилла Новоезерского / Т.Б. Карбасова // ТОДРЛ / Отв. ред. Н.В. Поньрко. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – Т. 58. – С. 339.

В третьей главе рассмотрены видения крестьянской вдовы Марии в Сказании о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы в Тобольске, анализ которых позволяет зафиксировать еще один этап в развитии жанра древнерусских видений.

Сказание – первый официальный памятник сибирской агиографии, оказавший влияние на последующую региональную традицию. Все сибирские агиографические сочинения XVII – начала XVIII вв. созданы на основе видений¹² и отражают те же этапы развития жанра, что и в общерусской литературе XIII–XVI веков. Видения в сибирских сочинениях обнаруживают своеобразное сочетание общерусской книжной традиций с новыми тенденциями литературного процесса переходного периода, что можно видеть уже на примере рассматриваемого памятника.

Построение видений Сказания напоминает одновременно и патериковые, и житийные видения, поскольку его автор оперирует полным набором жанровых элементов, сложившимся к этому времени в общерусской литературе. Как и в рассказах Киево-Печерского патерика, в Сказании выявляется группа из четырех видений, ключевым моментом которых является повеление о строительстве церкви на Абалацком погосте. Движение событий внутри группы определяет неповиновение тайнозрительницы воле высших сил, которое влечет за собой ее наказание. Но видения в сибирском сочинении обладают более четкой структурой и каждое из них, как и видения в житиях основателей монастырей, выделено подзаголовком. Подобно последним, видения вдовы Марии также включают элементы «тонкий сон» и «страх», но ее страх имеет «земную» природу и выражен через описание телесных ощущений, чем принципиально отличается от благоговейного страха житийных героев. Отличия в изображении этого состояния тайнозрительницы Сказания связаны с усложнением основной функции видений (развертывания событий). Они используются в сибирском сочинении как важнейший элемент, способствующий раскрытию образа героини, что отражает начавшийся в литературе XVII в. процесс открытия «ценности человеческой личности» (Д.С. Лихачев). Поэтому описание страха героини, сопровождающего все ее видения, а также само общение с героями иного мира являются способом раскрытия ключевых черт ее образа. При этом событие строительства церкви в повествовании отходит на второй план и развертывается по схеме патериковых рассказов о видениях, то есть в соединении необычных обстоятельств появления тайнозрительницы с ее рассказами о явленном.

¹² Ромодановская Е.К. Рассказы сибирских крестьян XVII-XVIII вв. о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) / Е.К. Ромодановская // Ромодановская Е.К. Сибирь и литература XVII век / Е.К. Ромодановская. – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 295.

При анализе выявляется еще одна важная особенность сибирских видений: соединение в них книжной традиции и народных представлений. Так, в появлении сакральных персонажей в виде зримых иконных образов сказалось характерное для культуры XVII века сложное взаимовлияние иконографии и народного религиозного сознания¹³. Выбор Николая Чудотворца в качестве основного персонажа, осуществляющего контакт с тайнозрительницей, а также актуализация роли Богородицы как всеобщей заступницы определены особой ролью этих сакральных персонажей в концепции «народного православия».

В **четвертой главе** описаны основные принципы построения сюжетов древнерусской литературы, в состав которых входят видения.

В трех предшествующих главах исследовались исключительно тексты, содержащие видения, связанные с основанием церкви или монастыря. Обращение к разновременным литературным источникам позволило зафиксировать и описать несколько этапов становления жанра видений, а также выявить определенный набор элементов и устойчивую схему их построения в рассказах данной тематики. Это позволило предположить наличие в древнерусской словесности некоей общей схемы, организующей построение любого рассказа о видении. Для подтверждения этой идеи были сопоставлены с учетом общего контекста сочинений фрагменты из патерикового Слова об Исакии Печернике и Жития Александра Свирского, которые включают рассказы о видениях, контрастные по содержанию и результатам воздействия на тайнозрителя. Исакию Печернику, самовольно затворившемуся в пещере, явились бесы, принявшие обличия ангелов и самого Христа, потребовавшего поклонения себе. Бесы замучали обманутого инока до полусмерти, так что святости он достиг лишь долгим путем покаяния. Александр Свирский, неизменно послушный Божьей Воле, напротив, был удостоен истинного видения ангелов и Троицы, по велению которой в дальнейшем стал основателем монастыря.

В **первом параграфе** были выявлены структурные особенности обоих сюжетных фрагментов. В их построении прослеживаются повторяющиеся ключевые моменты («опорные точки» сюжетов), которые складываются в общую схему, не зависящую от типа агиографических сочинений и тематики включенных в них видений. Эти ключевые моменты в своей последовательности осуществляют движение событий в повествовании, и видение – один из необходимых функциональных элементов этого процесса. Различия же обоих сюжетов связаны с

¹³ Чумичева О.В. Иконный образ в видениях Елезара Анзерского (к вопросу о восприятии иконного образа в России в первой половине XVII в.) / О.В. Чумичева // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря / Отв. ред. С.А. Семячко. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 251–252.

фигурой главного героя, вводимой, по Д.С. Лихачеву, в событийный ряд, соответствующий занимаемому им положению.

Во *втором параграфе* описан процесс развертывания события в повествованиях и роль видения в нем.

Применение к древнерусскому материалу идеи Ю.М. Лотмана, определившего событие как перемещение героя-действителя через границу сюжетного (семантического) поля¹⁴, показало, что указанный процесс в анализируемых памятниках осуществляется по единому принципу. Обоим заглавным героям явлены видения, определившие дальнейшее направление их духовного развития, вследствие общей исходной ситуации (стремления свершить подвиг во славу Бога). Видения вводятся в повествования в момент молитвенного состояния подвижников, которое служит своего рода «ключом», размыкающим их повествовательный план. Став тайнозрителями, они на время видения уступают статус главного героя посланцам иного мира, представляющим собой «функцию в чистом виде». Потусторонние герои совершают в обоих случаях формально схожее действие: оглашают повеление. Оно вызывает ответную реакцию тайнозрителя (подвижники кладут поклоны в знак своего повиновения), которая обуславливает их дальнейшее состояние – физические страдания Исакия и духовную радость Александра. Эта ситуация, как и исходная, подобно «ключу», замыкает непосредственно рассказ о видении: в этот момент посланцы иного мира исчезают, план тайнозрителей смыкается, и они вновь обретают статус главных героев. В последующих частях сочинений продолжают события, вызванные появлением посланцев потустороннего мира.

Анализ рассмотренных фрагментов показывает, что повторение одной и той же схемы развертывания событий позволяет средневековым авторам встраивать в свои сочинения эпизоды видений. Повествование при этом сконцентрировано и композиционно закольцовано вокруг видений, вводящих героев иного мира. Благодаря развертыванию их функций осуществляются основные события, которым повествования посвящены.

В *третьем параграфе* установлена зависимость между поведением героя-тайнозрителя, содержанием видения и смысловым планом сочинения.

Заглавных героев Слова об Исакии Печернике и Жития Александра Свирского объединяет стремление угодить Богу, хотя этой цели они достигают по-разному: в патерике представлен путь падения и восстания «грешного святого», в Житии – терпеливое восхождение к вершинам святости смиренного инока, ставшего

¹⁴ Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – С. 290–291.

основателем монастыря. Исакий всецело сосредоточен на «внешней» стороне подвига – «физическом» преодолении плоти; Александр же включен в процесс совершенствования духа, невидимый физическим зрением. Так, поведение Исакия и Александра (в одном случае отклоняющееся от христианского образца, в другом – соответствующее ему) обуславливает и тип явленных им персонажей иного мира: Исакию – посланцев «мира Антихриста», Александру – «мира Христа». События, развертывающиеся в видениях и соответствующие функциям явленных персонажей, раскрывают истинный смысл подвижничества заглавных героев и меняют их поведение: Исакий, доведенный бесами до полусмерти, осознает необходимость покаяния, Александр приступает к смиренному исполнению Божьего замысла. Таким образом, с помощью видений средневековые авторы, превращают своих героев в пример для подражания, подкрепляющий общую мысль сочинений о недостижимости вершины духовного подвига без смирения и покаяния.

В *четвертом параграфе* предложен опыт типологии сюжетов видений в древнерусской агиографии XIII-XVII вв.

Принадлежность рассмотренных героев потустороннего мира (Троицы и беса в образе Христа) к двум противоборствующим началам христианского мироздания, а также жесткая закреплённость их функций наводят на предположение о связи типа потусторонних персонажей, а соответственно и самих сюжетов видений с картиной мира древнерусского человека, имеющей дуальное строение¹⁵. Идея этой связи положена в основу опыта типологии сюжетов видений. Таким образом, древнерусские видения делятся по своему содержанию на видения эсхатологические, посвященные описаниям «того» света, и видения, связанные с земным бытием человека (пророческие и регламентирующие духовную жизнь христианина).

В видениях второй группы, рассмотренных в настоящей работе, основные функции героев «мира Христа» (Богородица, апостолы, святые, ангелы и др.) – помощь в ее разных вариантах, также пророчество и наказание. Функции героев «мира Антихриста» (как правило, это бесы) – искушение и мучение. В соответствии с названными функциями героев иного мира выделяются типы сюжетов видений. Внутри каждого типа их конкретные тематические разновидности (например, повеление совершить молебен / выполнить обет / построить церковь/монастырь, изгнание бесов святым и т.п.) образуют несколько подтипов (тематических полей сюжетов).

¹⁵ Лотман Ю.М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII в.) / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б.А. Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – С. 220–221.

Представленная в исследовании типология является первым опытом такого рода. Созданная на основе ограниченного круга сюжетов видений, она может стать отправной точкой для систематизации материала более расширенной по тематике, а также «сюжетов с видениями» в составе неагиографических древнерусских памятников (например, летописей или повестей). Дальнейшая работа в этом направлении поможет более детальному изучению видений и последующему описанию системы отношений между земным и потусторонним миром русского средневековья.

В заключении излагаются основные выводы исследования и намечаются его возможные перспективы.

Проведенный в диссертационном исследовании анализ видений в составе агиографических памятников позволил уточнить историю жанра, а также дополнить картину системы жанров древнерусской литературы. Это было сделано на материале видений тематической группы, связанных с основанием церкви/монастыря. Кроме того, на материале видений более широко тематического круга, связанных с вопросами земного бытия человека, описаны основные принципы сюжетосложения агиографических повествований, содержащих видения. А также предложен первый опыт типологии сюжетов соответствующих видений.

Обширность и многообразие мира древнерусских видений исключает возможность их всестороннего изучения в пределах одного исследования. Наблюдения за развитием других разновидностей этого древнего жанра можно углублять и продолжать как в диахронии, так и применительно к отдельным историческим периодам. Помимо этого, традиция древнерусских видений не прервалась в XVII в., найдя свое продолжение не только в принципиально консервативной старообрядческой письменности, но и в художественной литературе Нового и новейшего времени. Изучение процессов сюжето- и жанрообразования на материале видений, а также традиции древнерусских видений в литературе Нового времени относится к перспективным направлениям современного литературоведения.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Ковалева Т. И.** Структурно-смысловые особенности видений в «Слове о создании церкви...» в Киево-Печерском патерике / Т. И. Ковалева // Сибирский филологический журнал. – 2006. – № 1-2. – С. 4–8. – 0,3 п.л.

2. **Ковалева Т. И.** О сюжетном фрагменте из Жития Кирилла Белозерского в Житии Ферапонта Белозерского / Т. И. Ковалева // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 4. – С. 50–53. – 0,4 п.л.

3. **Ковалева Т. И.** Рассказ о видении св. Кирилла Белозерского в памятниках севернорусской агиографии: Жития Кирилла Новоезерского и Филиппа Ирапского / Т. И. Ковалева // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 58–65. – 0,5 п.л.

Научная рецензия:

4. **Ковалева Т. И.** А. В. Пигин. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб.: Дмитрий Буланин. 2006. 432 с. [Рец. на книгу] / Т. И. Ковалева // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 1. – С. 207–210. – 0,2 п.л.

Монография:

5. **Ковалева Т. И.** Евангельская притча в Киево-Печерском патерике / Т. И. Ковалева // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности / Э. А. Бальбуров [и др.]. – Новосибирск, 2014. – С. 172–179. – 0,7 п.л.

Статьи в других научных изданиях:

6. **Ковалева Т. И.** Видения в повествовательной структуре «Слова о создании церкви...» в Киево-Печерском патерике / Т. И. Ковалева // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы : сборник статей. – Новосибирск, 2006. – Вып. 7 : Тема, сюжет, мотив в лирике и эпосе. – С. 122–132. – 0,4 п.л.

7. **Ковалева Т. И.** Роль видений в сюжетной ситуации создание церкви/монастыря: Житие Кирилла Белозерского и Киево-Печерский патерик / Т. И. Ковалева // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. К юбилею члена-корреспондента РАН Е.К. Ромодановской : сборник статей. – Новосибирск, 2008. – С. 103–111. – 0,4 п.л.

8. **Ковалева Т. И.** Жанровые особенности рассказов о видениях (сюжетная ситуация основание церкви/монастыря) / Т. И. Ковалева // Нарративные традиции славянских литератур: повествовательные формы средневековья и нового времени : сборник статей. – Новосибирск, 2009. – С. 143–155. – 0,5 п.л.

9. **Ковалева Т. И.** Рассказ о видении св. Кирилла Белозерского в памятниках севернорусской агиографии: Житие Кирилла Белозерского и Житие Александра Свирского / Т. И. Ковалева // «Свое» и «чужое» в культуре: сборник статей и материалов всероссийской заочной научной конференции с международным

участием «Человек и мир человека». Рубцовск, 20–21 ноября 2011 г. – Барнаул, 2011. – С. 171–180. – 0,7 п.л.

10. **Ковалева Т. И.** Рассказ о видении св. Кирилла Белозерского в Житиях Ферапонта Белозерского и Житии Александра Свирского / Т. И. Ковалева // Чтение: рецепция и интерпретация : сборник статей. – Гродно, 2011. – Ч. 2. – С. 9–15. – 0,4 п.л.

11. **Ковалева Т. И.** Видения в повествовательной структуре памятников древнерусской литературы (Киево-Печерский патерик и Житие Александра Свирского) / Т. И. Ковалева // Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени: сборник трудов Всероссийской научной конференции к юбилею члена-корреспондента РАН Елены Константиновны Ромодановской. Новосибирск, 03–06 июня 2012 г. – Новосибирск, 2014. – С. 64–69. – 0,5 п.л.

12. **Ковалева Т. И.** Тема покаяния грешника в Киево-Печерском патерике / Т. И. Ковалева // *Universum Humanitarium*. – 2016. – № 1 (2). – С. 132–141. – 0,8 п.л.